

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
CULTURAL LINGUISTICS:
THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-467-482

Научная статья

**Изменение семантики слова «дом»
в русском языке первых десятилетий XX века**

В.В. Шмелькова^{ID}, Е.В. Макарова^{ID}

*Пензенский государственный университет,
Российская Федерация, 440026, Пенза, ул. Красная, д. 40*

 makelvita@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью выявления изменений в семантике слова «дом» в языковом сознании общества, связанных с историческими, культурными, социально-политическими и экономическими преобразованиями. Описываются и анализируются изменения в семантике слова «дом» в языковом сознании общества Советской России и русского зарубежья в первые три десятилетия XX века. Цель исследования заключается в раскрытии семантики слова «дом» в первые три десятилетия XX века посредством анализа текстов художественных произведений писателей этого времени. Для достижения поставленной цели использовалась комплексная методика анализа лексического материала, включающая описательный метод, основанный на анализе словарных дефиниций, метод лингвостилистического анализа текстов художественной литературы. Материалом послужили статьи, содержащие определения слов «дом», «домашний очаг», представленные в основных толковых словарях русского языка XIX–XX веков и словарях новейшего времени, тексты художественной и мемуарной литературы. Новизна представленных материалов состоит в том, что впервые производится анализ изменения семантики слова «дом» с целью сопоставления отдельных участков языковой картины мира носителей русского языка в России и в эмиграции на фоне революции и в первые послереволюционные десятилетия. Языковое отражение такого ключевого понятия, как дом, на стыке двух исторических эпох – дореволюционной и постреволюционной – социально обусловлено и представлено как переломный момент в художественной прозе и мемуарной литературе первой половины XX века. Предполагается, что дальнейшее исследование семантики слова «дом» может быть связано с наблюдением над языком конца XX – начала XXI века.

Ключевые слова: русский язык, лексема дом, домашний очаг, семантические изменения

История статьи: поступила в редакцию 05.03.2022; принята к печати 12.07.2022.

© Шмелькова В.В., Макарова Е.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Шмелькова В.В., Макарова Е.В. Изменение семантики слова «дом» в русском языке первых десятилетий XX века // Русистика. 2022. Т. 20. № 4. С. 467–482. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-467-482>

Введение

Дом и семья – базовые ценности духовной культуры народа и языкового общественного сознания. Перемены в социально-политической жизни неизменно приводят к изменению семантической структуры слова. Как фрагмент языковой картины мира *дом* отражается в языковом сознании общества в форме ассоциаций, формируемых в процессе практической, когнитивной и коммуникативной деятельности носителей языка. Подобные ассоциации проникают в повседневный речевой обиход, отражаются в текстах художественной литературы в виде образов и мотивов. Настоящая работа посвящена исследованию семантических изменений слова *дом* (*домашний очаг*) в русском языке на основе анализа художественных мотивов, отраженных в прозе русских писателей, живших в России и за рубежом, в эмиграции.

Дом занимает важное место в структуре ментально значимых понятий русской лингвокультуры, поскольку соединяет индивидуальное (человек как личность) и общественное (семья, народ), материальное (жилище, быт, собственное пространство) и духовное (радость, любовь, святость, душа). В многообразии своих значений *дом* может как противопоставляться, так и отождествляться с феноменами *мир, свои – чужие*.

В значении «место жизни человека» *дом* сближается со словом «родина». Отсутствие дома представляет собой семантическую основу понятий *бездомье, странничество и изгнание*.

Взаимосвязь слов *дом, свет, тепло, уют* наиболее полно отражается в русской художественной литературе конца XIX – начала XX в.

В филологической науке неоднократно исследовались вопросы семантики понятия «дом»: проблема концептуализации «эстетики» быта (Корнейчук, Скнар, 2018), рассматривался образ дома в русской литературе первой половины XX в. (Жулькова, 2019), исследовалась проблема изменения семантики понятия «дом» в аспекте словесного воплощения концепта «дом/родина» в поэзии и прозе русского зарубежья первой волны (Габдуллина, 2004; Polechina, 2012; Морараш, 2017); на материалах русской эмигрантской прессы (Зеленин, 2007), в аспекте семантической трансформации «квартира-дом» в русской литературе 1920–1930-х годов (Кувшинов, 2016). Дом как концепт-артефакт изучался в работах В.А. Масловой¹, история изучения этого концепта представлена в исследованиях Р.М. Потпот (Потпот, 2013). Концепт «Дом» рассматривался в национально-культурном контексте его развития (Соколова, 2008), в смысловой организации Петербургского текста русской литературы (Шурупова, 2010), в индивидуально-авторской картине мира Л.Н. Толстого (Ланская, 2005), М.И. Цветаевой (Фещенко, 2005), А.А. Ахматовой (Базылова, 2009), в прозе А.И. Куприна периода эмиграции как маркер оппозиции «свои-чужие» (Иконникова, 2012).

¹ Маслова А.В. Когнитивная лингвистика : учебное пособие. Минск. : ТетраСистемс, 2004. 256 с.

Актуальность исследования определяется необходимостью выявления изменений в семантике слова *дом* в языковом сознании общества, связанных с историческими, культурными, социально-политическими и экономическими преобразованиями, вызывают необходимость их изучения, описания и всестороннего анализа. В этом свете данное исследование исполняет диагностическую роль, выявляя изменения в семантике слова *дом* в языковом сознании общества Советской России и русского зарубежья в период с 1917 по 30-е годы XX века в сравнении с дореволюционным временем.

Цель исследования заключается в раскрытии семантики слова *дом* в первые три десятилетия XX века посредством анализа текстов художественных произведений писателей этого времени.

Методы и материалы

Материалом для исследования послужили статьи, содержащие определения слов *дом*, *домашний очаг*, представленные в основных толковых словарях русского языка В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, в лингвоэнциклопедическом словаре «Язык старой Москвы» В.С. Елистратова, в «Толковом словаре языка Совдепии» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, тексты художественной (Л.Н. Толстой, А.Н. Толстой, И.А. Бунин, А.И. Куприн, И.С. Шмелев, М.А. Булгаков, Б.Л. Пастернак, М.А. Алданов, Г. Газданов) и мемуарной литературы (А.Б. Мариенгоф, И.В. Одоевцева, Л.Е. Белозерская-Булгакова).

Для решения поставленных задач использовалась комплексная методика анализа лексического материала, включающая описательный метод, основанный на анализе словарных дефиниций, метод лингвистического анализа художественного текста.

Результаты

Исследование дефиниций основных толковых словарей В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, новейших словарей В.С. Елистратова, В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной позволило установить, что слово *дом* претерпело значительные семантические и лингвокультурные изменения в период общественно-политических потрясений в России в первые три десятилетия XX века. *Дом* был ключевым понятием для русской ментальности дореволюционного времени. Семантика этого слова включала следующие значения: *жилище, замкнутое пространство, огражденное от внешнего мира, защищенное убежище, родина, центр семейного очага, тепла, комфорта и красоты; династия, торговое предприятие, увеселительное учреждение, благотворительная организация, учреждение предпринимательства.*

В 1920–1930-е годы в слове *дом* существенно ослабло значение домашнего очага, оплота семейственности, к которому человек эмоционально привязан. Из языковой картины мира того времени исчезли ассоциации дома с теплом и светом, уютом, благополучием, красотой и постоянством. На языковую и культурную периферию были вытеснены следующие значения слова *дом*: обозначение правящей династии, торговых предприятий, увесели-

тельных учреждений, благотворительных организаций и учреждений предпринимательства, утрачивается ассоциативная связь дом – храм.

После 1917 года исследуемое понятие разделяется на частные составляющие: культурно-просветительские учреждения, органы самоуправления, места постоянного пребывания определенных социальных групп. Лексема *дом* архаизировалась, ей на смену пришли новые бытовые понятия революционной эпохи: «жилплощадь», «квартира», «уплотнение», «самоуплотнение».

Напротив, в русском зарубежье активно продолжали функционировать утраченные в речевой практике Советской России значения слова *дом*, его ассоциативно-эмотивная составляющая усиливалась в связи с изгнанием и вынужденным проживанием вдали от родины. В лексическом значении слова *дом* в речевой практике русского зарубежья на переднем плане оказались следующие ассоциации: *отсутствие дома, бездомье, семья, страна, религия, история, возрождение России*.

В художественной литературе русского зарубежья идея чистоты домашнего очага, актуализируемая белым цветом как символом аккуратности, уюта и красоты внешней и внутренней, преумножает свою значимость на фоне беспорядка во внешнем мире и бытовой необустроенности. При вербализации понятия дом в художественной литературе русского зарубежья световые ассоциации не теряют своей значимости: *лампа, светильник, горящие свечи, пылающий камин* противопоставляются *мраку и неизвестности* внешнего мира. *Закрытые окна, запертые двери и каменные стены* выступают символами защиты от враждебной действительности на чужбине и потери связи с Родиной.

В описании дома дореволюционного времени центральной становится идея благополучия, реализуемая следующими символами: *белоснежная скатерть, круглая, затянутая атласом гостиная, дружеская беседа, праздничное застолье, рождественская елка*; идея преемственности поколений, поддержанная такими символами, как *старинные часы, изразцовая печь, самовар, абажур, шкафы с книгами, семейные портреты*. При этом писатели-эмигранты были склонны к ностальгическому репродуцированию культурно-бытовых явлений царской эпохи.

Обсуждение

Являясь одним из базовых ментальных понятий, *дом* неразрывно связан и с другими константами русской культуры с положительной семантикой: *семья, любовь, радость и счастье, тепло и свет, душа и святость* (Воробьев, 2008; Маслова, Данич, 2021; Исаева, Васильева, 2021; Дмитриева, Чулкина, 2022; Wierzbiska, 1992). Дом неотделим от таких значимых социокультурных оппозиций как *внешнее и внутреннее, свои и чужие* (Степанов, 2001; Shacklein, 2013; Шаклеин и др., 2017; Schiffer & Steel, 1988; Jackendoff, 1993).

В толковых словарях Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой *дом* определяется как свое жилье, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство; место, где живут люди, объединенные общими интересами².

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : ООО «А ТЕМП», 2016. С. 167.

В таком понимании слово *дом* тесно связано со словосочетанием *домашний очаг*, под которым подразумевается «родной дом, семья»³. В лингвокультурологии *дом* рассматривается как внутреннее, обжитое человеком пространство, как двойник человека, как организующий центр мира. Пространство дома может расширяться до размеров города, страны⁴. Традиционно в русской культуре *дом* непосредственным образом был связан с понятиями *святость, храм*.

В художественной литературе второй половины XIX века описание дома представлено следующим образом:

• *Система устойчивых межличностных взаимоотношений*: «Когда я стараюсь вспомнить матушку, ...мне представляются только ее карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь»⁵.

• *Семейные традиции*: «В церкви никого, кроме мужиков и дворников и их баб, не было. Но Дарья Александровна видела, или ей казалось, что видела, восхищение, возбуждаемое ее детьми и ею»⁶.

• *Просторное и уютное жилое пространство*: «Дом был большой, старинный, и Левин хотя жил один, но топил и занимал весь дом»⁷.

• *Благополучный быт, его эстетизация*: «В углу столовой на четырехугольном столе, покрытом чистой белой скатертью, уже находились... небольшие образа»⁸.

• *Незыблемые нравственные ценности, преемственность поколений*: «Детское чувство безусловного уважения ко всем старшим, и в особенности к папа, было так сильно во мне»⁹.

Идея чистоты домашнего очага подчеркивается белым цветом как символом аккуратности, уюта и красоты внешней и внутренней. Понятие *дом* вербализуется в литературе этого периода и световыми ассоциациями: *лампа, светильник, горящие свечи, пылающий камин*. Огонь и свет – важнейшие символы уюта домашнего очага, олицетворяющие душу его обитателей, божественное начало в человеке, саму жизнь. Окно символизирует связь мира внутреннего и внешнего.

Наполнены ностальгическим любованием описанием дома в ранней прозе И.А. Бунина: «Войдешь в дом, и прежде всего услышишь запах яблок, а потом уже другие: старой мебели красного дерева, сушеного липового цвета... Во всех комнатах... прохладно и сумрачно...Всюду тишина и чистота» (Антоновские яблоки), но при этом ключевые лексемы меняются: *тепло – прохлада, свет – сумрак*. В русской художественной литературе начала XX века (до 1917 г.) традиционно положительный образ дома как символа благополучия дополняется тревожными штрихами грядущего разрушения и разорения: «Князь Шеин... едва сводил концы с концами. Огромное родовое име-

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка... С. 167.

⁴ Маслова А.В. Когнитивная лингвистика... С. 235.

⁵ Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. М. : Детская литература, 2020. С. 21.

⁶ Толстой Л.Н. Анна Каренина. М. : Дрофа: Вече, 2002.

⁷ Там же. С. 217.

⁸ Тургенев И.С. Дворянское гнездо. М. : АСТ, 2018. С. 79.

⁹ Толстой Л.Н. Детство. Отрочество... С. 193.

ние было почти совсем расстроено.., а жить приходилось выше средств: делать приемы, благотворить, хорошо одеваться»¹⁰.

Образ цветущего вишневого сада в пьесе А.П. Чехова парадоксально символизирует грядущую утрату дома и дезориентацию личности в эпоху перемен. Судьба вишневого сада как символа дома предкризисного времени ассоциативно связана с судьбой как отдельных личностей, так и всей страны, что станет центральной проблемой в раскрытии образа дома в русской художественной литературе XX века.

Святость дома наполняет даже простые будничные занятия, направленные на поддержание чистоты и уюта домашнего очага духовным смыслом (Шкуран, 2019). Подобная ритуализация семейно-бытового уклада любое будничное действие, даже уборку, превращает в праздник для домочадцев: «Белят ризы на образах ... Вешают на окна свежие накрахмаленные шторы, подтягивают пышными сборками, – и это напоминает чистый, морозный снег... Зеркально блестят паркетные полы, пахнущие мастикой с медовым воском, – запахом Праздника»¹¹. Восприятие родного дома как святого пространства вербализуется лексемами с общей семантикой «чистота»: *чистый, зеркально блестеть, белишь, морозный снег*. Ассоциации с запахом медового воска, традиционно связанного с церковными свечами, объединяет в сознании понятия «дом» и «храм», отождествляя их. Семья, духовность, родная земля – основа традиционного дореволюционного дома.

Триединство дома, семьи и родной страны ярко представлено в повести А.Н. Толстого «Детство Никиты», которая продолжает традиции русской классической литературы и перекликается с циклом «Детство», «Отрочество», «Юность» Л.Н. Толстого: повествование, в центре которого традиционная усадьба помещиков, ведется от лица ребенка – мальчика девяти лет. Дом в этом произведении дуален: разделен на зимнюю половину – колыбель уюта, тепла, покоя, родительской защиты, радостей дружбы и нежной детской любви – и летнюю половину – загадочную цитадель пространства и времени, над которыми главный герой не властен. В наполненной радостью зимней половине предметы и вещи живут жизнью Никиты, перемещаясь и изменяясь вместе с ним. Напротив, «старый дом» (летняя половина) статичен, постоянен, независим от внешних условий, и оттого кажется Никите чужим и зловещим. Предметы внутреннего убранства этой части символически представляют вечность и беспристрастность времени (часы с маятником), преемственность поколений (бронзовая вазочка, таинственные портреты). Эти противоположные миры – две половины родительского дома Никиты, символизирующие прошлое и настоящее – неправильно было бы считать параллельными, их объединяют сами домочадцы: родители Никиты, его учитель, прислуга, дворовые ребята, даже домашние животные – семья главного героя, его мир.

Особый интерес в повести представляет пространственно-временное взаимодействие символов дома: летняя половина – безучастное прошлое, зимняя половина – радужное настоящее, город – тревожное враждебное будущее.

¹⁰ Куприн А.И. Гранатовый браслет. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. С. 6.

¹¹ Шмелев И.С. Лето Господне. М. : АСТ, 2019. С. 282.

Зимний дом – дворец радужного настоящего. Все в нем ассоциируется с праздником Рождества: чемодан «интересных вещей», таящий в себе чудеса: «листы золотой бумаги, гладкой и с тиснением, листы серебряной, синей, зеленой и оранжевой бумаги, бристолевский картон, коробочки со свечками, с елочными подсвечниками, с золотыми рыбками и петушками, коробку с дутыми стеклянными шариками... коробку с хлопучками, пучки золотой и серебряной канители, фонарики с цветными слюдяными окошечками и большую звезду»¹². Перечисление красочных разностей и лексический повтор традиционных цветосимволов святости – «золотой» и «серебряный» – усиливает ощущение радостного предчувствия и создает образ дома как сакрального пространства. Из всех этих чудесных мелочей домашние мастерят свой праздник, они – создатели личного счастья, активные творцы радостей своей жизни вне пространства и времени. Рождественские приготовления олицетворяют связь поколений через сохранение и передачу традиций.

Главный рождественский символ дома – елка – объединяет вокруг себя домочадцев, приносит радость всем: «В гостиной от пола до потолка сияла елка множеством, множеством свечей. Она стояла, как огненное дерево, переливаясь золотом, искрами, длинными лучами. Свет от нее шел густой, теплый, пахнувший хвоей, воском, мандаринами, медовыми пряниками»¹³. Свет – важный символ радости и счастья в русской культуре, олицетворение самой жизни – становится в этом описании осязаемым и наделяется свойствами конкретный природных и бытовых объектов: леса (густота, запах хвои), сладкими запахами мандаринов и меда. Лексема *свет* определяется эпитетами, связанными с теплом и уютом: «Теплый уютный свет лился из окон дома, из столовой»¹⁴.

Важное значение в повествовании имеет символика цвета в природе: белый, лунный свет, ассоциируемый с чистотой и поддерживающий ощущение таинственности и волшебства: «Деревья на плотине и в саду стояли огромные и белые и, казалось, выросли, вытянулись под лунным светом»¹⁵. Небесный свод с мерцающими звездами также пробуждает в мальчишке ассоциации с домом, расширяя его пространство до огромных масштабов: «Разостлался светящимся туманом Млечный Путь. На возу, как в колыбели, Никита плыл под звездами, покойно глядел на далекие миры. <...> Все это – мое, думал он, – когда-нибудь сяду воздушный корабль и улечу»¹⁶. Весь мир представлен как безграничный уютный дом, природные просторы родной страны – наполненная спокойствием колыбель для ребенка.

Как уютная, теплая, светлая зимняя половина дома выступает в оппозиции к беспристрастной, наполненной тайнами, будничной летней, так и раздольная деревня с ее торжеством природных сил и бескрайним звездным небом противопоставляется суевому городу: «Так начался первый день новой жизни. Вместо спокойного, радостного деревенского раздолья – семь

¹² Толстой А.Н. Детство Никиты. М. : Омега, 2020. С. 43–44.

¹³ Там же. С. 53.

¹⁴ Там же. С. 164.

¹⁵ Там же. С. 56.

¹⁶ Там же. С. 164

тесноватых, необжитых комнат, за окном – громыхающие по булыжнику ломовики. <...> Суета, шум, взволнованные разговоры. Даже часы шли здесь иначе, – летели»¹⁷, Дом, до этого вмещавший весь мир, и землю, и небо, теперь сузился до семи тесных комнат.

Дом в повести «Детство Никиты» А.Н. Толстого обладает не только пространственными характеристиками, но и временными: летняя половина деревенского дома – непостижимое неизменное прошлое, зимняя – счастливое настоящее, городской дом – тревожное будущее.

Общественно-политические события революционных и постреволюционных десятилетий привели к изменению семантики слова «дом»: *дом* утратил свое значение домашнего очага, личного пространства, к которому человек эмоционально привязан. Из языковой картины мира того времени исчезли ассоциации дома с теплом и светом, уютом, благополучием, духовностью и святостью. На языковую и культурную периферию были вытеснены следующие группы семантических моделей понятия *дом*: обозначение правящей династии (дом Рюриковичей, дом Романовых), торговых предприятий (торговый дом, банкирский дом, дом купцов Елисеевых), увеселительных учреждений (питейный дом, картежный дом, игорный дом), благотворительных организаций (сиротский дом, странноприимный дом, дом призрения), и учреждений предпринимательства (доходный дом) (Елистратов, 1997), утрачивается ассоциативная связь дом – храм.

После 1917 года исследуемое понятие разделяется на частные составляющие: культурно-просветительские учреждения, органы самоуправления, места постоянного пребывания определенных социальных групп. Лексема *дом* архаизировалась, ей на смену пришли новые бытовые понятия революционной эпохи: «жилплощадь», «квартира», «уплотнение», «самоуплотнение». Появляются новые значения слова *дом*: здание, строение, предназначенное для размещения различных учреждений, часто профессионального типа (*дом архитектора, дом литератора, дом композиторов, дом инженера и техника*), воспитательное государственное учреждение (*детдом, дом пионеров, дом детского творчества*), государственное учреждение культурно-просветительского характера и здание, в котором оно располагается (*дом боевой и трудовой славы, дом политпросвещения, дом народного творчества*). Патетически слово «дом» для номинации крупных учреждений, занимавших обширные здания часто заменяла лексема «дворец»: *дворец бракосочетаний, дворец культуры, дворец пионеров, дворец молодежи, дворец труда, дворец профсоюзов, дворец здоровья, дворец книги* (библиотека), *ледовый дворец* (спортивный комплекс с крытой ледяной площадкой), *подземный дворец* (подземный вестибюль станции метрополитена).

Семантическим изменениям подверглась и лексика, ассоциативно связанная с понятием *дом*:

- места – провинциальные пункты, провинция;
- хозяйчик (вместо дореволюционного «хозяин») – частный владелец, кулак. Основное значение слова *хозяин* (собственник, владелец) уходит на периферию. После революции эта лексема употребляется метафорически

¹⁷ Толстой А.Н. Детство Никиты... С. 170.

для патетического наименования советского человека: «подлинный хозяин своей страны»¹⁸;

– уголок – место отдыха. Цветовая ассоциация понятия *дом* с белым цветом, символизирующим свет, заменилась в языковом сознании на красный, который теперь обозначал «относящийся к революционной деятельности, к советскому социалистическому строю: *красный угол (уголок)* – помещение, предназначенное для проведения пропагандистской и культурно-просветительской деятельности»¹⁹. Синонимичными можно считать сочетания *Ленинский уголок* (Ленинская комната, ленкомната), пионерский уголок, уголок боевой славы;

– слово «очаг», ранее входившее с семантическое поле «дом», утрачивает связь с этим понятием, на передний план выходят следующие значения: источник распространения чего-либо, центр, средоточие (*очаг культуры, очаг здравоохранения*).

С радикальной сменой социально-политического устройства в России коренным образом трансформируется семантика слова *дом*: архаизируется лексика из семантических полей «бытовое устройство» (*помпадур*²⁰, *дульет*²¹, *чайная*, и др.), «питание» (*калья, антре, обед для разных*²² и пр.). Истолкование понятия *дом* как личного пространства нивелируется, индивидуальное вытесняется общественным. Отныне для обозначения жилища используются лексемы квартира, жилплощадь, коммуналка. Словами дом, дворец обозначают общественные учреждения. Обобществление собственности ведет к утрате личного в пользу общественного в семантике понятия *дом*. Исчезает семантическое поле «дом – храм», «дом – воплощение самого человека».

Изменение роли и места понятия *дом* в языковой картине мира революционного времени иллюстрирует мемуарная проза. А.Б. Мариенгоф об изменившемся в революционные годы домашнем укладе отзывался иронично: «Когда садились за стихи, запирали комнату... и с видом преступников ставили на стол грелку. Радовались, что в чернильнице у нас не замерзали чернила и писать можно было без перчаток»²³. Дом как домашний очаг вытесняется из сознания, мир сужается до размеров комнаты, больше похожей на тюремную камеру. Будничные действия по наполнению дома теплом становятся преступными в новое революционное время. Лишенные базовых атрибутов уюта – тепла и света, – жильцы чувствуют себя заключенными. Радости теперь другие, более приземленные и отвечающие базовым человеческим потребностям: перчатки, грелка. Однако и они оказались вне закона: «Электрическими грелками строго-настрого было запрещено пользоваться,

¹⁸ Мокшенин В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. С. 641.

¹⁹ Там же. С. 664.

²⁰ Елистратов В.С. Язык старой Москвы : лингвоэнциклопедический словарь. М. : Русские словари, 1997. С. 396.

²¹ Там же. С. 153.

²² Там же. С. 330.

²³ Мариенгоф А.Б. Бессмертная трилогия. М. : Вагриус, 2006. С. 41.

и мы совершали преступление против революции»²⁴. Страх, тревога, ожидание неизбежного возмездия и мрачные предчувствия прочно укореняются в общественном сознании: «Тайна электрической грелки была раскрыта... Часами обсуждали – какие кары обрушит революционная законность на наши головы. По ночам снилась Лубянка, следовательно с ястребиными глазами, черная железная решетка»²⁵. Лексика с общей семантикой «правонарушение» доминирует в описании дома в прозе А.Б. Мариенгофа (*преступление, следовательно, амнистировать, Лубянка, решетка*). Святость покидает то, что раньше называлось домом, а отныне именуется жилплощадью. Духовным приходится жертвовать в пользу материального (топить печь книгами), чистота отныне не является приоритетом, предметы гигиены меняют свое функциональное назначение: «Ванну мы закрыли матрасом – ложе; умывальник досками – письменный стол; колонку для согревания воды топили книгами». И если олицетворение дореволюционного дома – лад и мир, то в революционную эпоху синонимом жилья становятся вражда и борьба: «приходилось зубами и тяжелым замком отстаивать открытую нами «ванну обетованную»... «ванны обетованной» мы все-таки не отстояли. Пришлось отступить в ледяные просторы нашей комнаты»²⁶.

Подобное гротескное описание жилища революционного образца ярко иллюстрирует все изменения, произошедшие за короткое время в быту и сознании. Дом как ментальное понятие, обозначающее личную собственность, семейно-бытовой уклад, систему межличностного взаимодействия людей с общими интересами, исчезает из языковой картины мира, ему на смену приходит «жилплощадь», в которой индивидуальное обобществляется.

О кощунственном жертвоприношении книг на алтарь домашнего тепла вспоминает и И.В. Одоевцева: «кое-как отогрев Мандельштама и напоив его чаем, на что потребовалось спалить два тома какого-то классика, повел его в Дом искусств искать пристанища»²⁷. Бытовая необустроенность приводит к обесцениванию образцов классической литературы, а вместе с ней и традиционной русской духовности.

Новые «пристанища» кажутся своим «обитателям» нереальными, страшной сказкой: «Холод волчий. Окно все в узорах, заледенело, ничего сквозь не видно. Я подышал на стекло и стал смотреть в оттаявшую дырку на серое небо, на белый снег и черные деревья. Как, помните, у Андерсена Кай в сказке «Снежная королева»²⁸. Старый мир исчез, новый скрыт за покрытым инеем окном, туманно не только будущее, но и настоящее. Мрачные изменения отражены и в символике цвета: небо более не голубое, ясное, чистое, а серое, черный в описании деревьев рождает мрачные ощущения. И только снег остается белым, как и в старые времена, но теперь уже не ассоциируется с чистотой, а скорее с холодом и безразличием.

²⁴ Мариенгоф А.Б. Бессмертная трилогия... С. 42.

²⁵ Там же. С. 53.

²⁶ Там же. С. 55.

²⁷ Одоевцева И.В. На берегах Невы : литературные мемуары. М. : Художественная литература, 1988. С. 121.

²⁸ Там же. С. 215.

Как и А.Б. Мариенгоф, И.В. Одоевцева в своих воспоминаниях подробно описывает такую реалию революционной жизни как уплотнение и сопутствующую ему вражду между соседями, подчеркнув при этом, что подобная трансформация дома в разных городах была неодинакова: «Лето 1921 года. Москва. Я гощу у брата и, как здесь полагается, живу с ним и его женой в одной комнате, в «уплотненной» квартире на Басманной. У нас в Петербурге ни о каких «жилплощадах» и «уплотнениях» и речи нет. <...> Здесь же в квартире из шести комнат двадцать один жилец – всех возрастов и всех полов – живут в тесноте и обиде»²⁹.

Лексема *дом* заменяется словом *пристанище* и в мемуарной прозе Л.Е. Белозерской-Булгаковой: «Теперь, в 1924 году, я решила направиться к ней и спросить, не поможет ли она нам в поисках пристанища»³⁰. При этом Л.Е. Белозерская-Булгакова одна из немногих авторов, оставивших воспоминания о жизни в России в революционные годы, продолжает при описании жилья использовать слова «дом» и «очаг»: счастливая семейная жизнь помогает сохранить в сознании эти значимые для личности понятия: «Дом свой мы зовем голубятней. Это наш первый совместный очаг»³¹. Несмотря на бытовые трудности, автору удается в условиях резкой трансформации окружающей действительности создать новый, пусть и весьма скромный домашний очаг, поддерживать в нем уют и перенести в революционный быт атрибуты прежнего благополучного образа жизни – абажур, рояль, музыку, песни и танцы, дружескую беседу: «По вечерам все сходились в гостиной. Уютно под абажуром горела керосиновая лампа – электричества не было. Здесь центром служил рояль, за который садилась хорошая музыкантша Женя или композитор Николай Иванович Сизов»³².

В доме переломного времени традиционное соседствует с новым и злободневным: неизменные атрибуты царского интерьера – предметы искусства – по-прежнему украшают дом, но предстают уже с революционным содержанием: «У нас осталась только подаренная им (С. Топлениновым) картина маслом, подписанная: «Софоново, 17 г.». это натюрморт, оформленный в темных рембрандтовских тонах, а по содержанию сильно революционный: на почетном месте, в серебряной вазе, – картошка, на переднем плане, на куске бархата, – луковица; рядом с яблоками соседствует репа»³³. Порой гротескные, наивные и смешные, эти элементы новой социальной реальности все же привносят в дом уют.

В относящихся к революционным событиям эпизодах романов «Белая гвардия» М.А. Булгакова, «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака, «Самоубийство» М.А. Алданова, «Вечер у Клэр» Г. Газданова *дом* и *домашний очаг* доминируют противоположные идеи: утраты и сожаления об утраченном, обреченности, разрушения, что выражается в символах, объединенных семантикой «разбитая посуда», «нарушенный быт»: *содранный со стен шелк*³⁴, *жир-*

²⁹ Одоевцева И.В. На берегах Невы... С. 245.

³⁰ Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1990. С. 93.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 126.

³³ Там же. С. 136.

³⁴ Алданов М.А. Самоубийство. М.: Эксмо, 2011. 640 с.

ная утка – невиданная роскошь, неприлично теперь пить шампанское³⁵, сервиз безумно жаль, метафорами трещина в вазе турбинской жизни³⁶, из эвклидова мира в мир геометрии Лобачевского, по всему дому сухим ветром пронеслась тревога, неударжимые воспоминания, падающие как дождь³⁷.

Заключение

Языковое отражение такого ключевого понятия русской лингвокультуры как *дом* на стыке двух исторических эпох – дореволюционной и революционной – социально обусловлено и представлено в поэзии, прозе и мемуарной литературе первой половины XX века как переломный момент. Этот период отразился на состоянии лексической системы русского языка.

Описания дома в дореволюционную и революционную эпоху основано на противопоставлении «внешнее – внутреннее», «мы – они», «свет – темнота». Эти оппозиции поддерживают архетипический *мотив потери дома*, последующего за ним *бездомья, одиночества, изгнания*.

На фоне реальной ситуации изгнания и неопределенности *дом* наполняется новым смыслом и расширяет свое значение, охватывая не только конкретное жилище, очаг, бытовое устройство и систему внутрисемейных отношений, но и родную страну и ее историческое наследие.

Идея чистоты домашнего очага подчеркивается белым цветом как символом аккуратности, уюта и красоты внешней и внутренней. Понятие *дом* вербализуется в литературе этого периода и световыми ассоциациями: лампа, светильник, горящие свечи, пылающий камин. Огонь и свет – важнейшие символы уюта домашнего очага, олицетворяющие душу его обитателей, божественное начало в человеке, саму жизнь. Окно символизирует связь мира внутреннего и внешнего.

В художественной литературе, изданной в России в первой половине XX века, «дом (домашний очаг)» выходит из активного употребления, уступая место политически маркированным лексемам, обозначающим новые бытовые и социальные реалии революционного времени «жилплощадь», «коммуна», «коммуналка». В описании дома как ментального понятия преобладают идеи разрушения, утраты и сожаления об утраченном. Перспективы дальнейшего исследования семантики слова *дом* быть связано с наблюдением над языком конца XX – начала XXI века и отражением рассматриваемой лексемы в современной русской художественной литературе.

Список литературы

- Базылова Л.А. Концепт «Дом» в индивидуально-авторской картине мира А. Ахматовой // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 6. С. 202–209.
- Воробьев В.В. Лингвокультурология : монография. М. : РУДН, 2008. 336 с.

³⁵ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М. : Изд-во «Э», 2017. 624 с.

³⁶ Булгаков М.А. Белая гвардия. М. : Эксмо, 2018. 480 с.

³⁷ Газданов Г.И. Вечер у Клэр // С того берега : писатели русского зарубежья о России. Произведения 20–30 гг. : в 2 кн. Кн. 2. М. : Водолей, 1992. 427 с.

- Габдуллина С.Р. Концепт ДОМ/РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны (составительский аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 24 с.
- Дмитриева Н.М., Чулкина Н.Л. Трансформации в семантике вербализаторов этических концептов «Любовь» – «Милосердие» – «Целомудрие» – «Добродетель» // Русистика. 2022. Т. 20. № 1. С. 52–67. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-52-67>
- Жулькова К.А. Образ дома в русской литературе первой половины XX в. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7 : Литературоведение. 2019. № 1. С. 194–202.
- Зеленин А.В. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). СПб. : Златоуст, 2007. 380 с.
- Иконникова Я.В. Концепт «Дом» как маркер оппозиции «свой – чужие» в прозе А.И. Куприна периода эмиграции (на материале повести «Купол Св. Исаакия Далматского») // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2012. № 9. С. 257–261.
- Исаева Э.С., Васильева Э.Г. Ассоциативное поле концепта «огонь» в языковом сознании носителей русского языка на фоне латышской лингвокультуры // Русистика. 2021. Т. 19. № 3. С. 241–252. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-241-252>
- Корнейчук С.П., Скнар Г.Д. Концептуализация «Эстетики быта» в произведениях И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. № 6. С. 325–330.
- Кувшинов Ф.Н. Квартира-дом в русской литературе 1920–1930-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1–2 (55). С. 23–25.
- Ланская О.В. Концепт «Дом» в языковой картине мира (на материале повести Л.Н. Толстого «Детство» и рассказа «Утро помещика») : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2005. 199 с.
- Маслова В.А., Данич О.В. Духовная энергия русского слова как проблема гуманитарной мысли // Русистика. 2021. Т. 19. № 2. С. 125–137. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-125-137>
- Морараш М.М. Семантико-когнитивное исследование концепта ДОМ в романе В.В. Набокова «Машенька» // Научный диалог. 2017. № 8. С. 104–115.
- Потпот Р.М. История изучения концепта «Дом» в отечественном языкознании // Вестник угроредения. 2013. № 2. С. 54–66.
- Соколова Е.Н. Концепт «Дом» и его развитие в национально-культурном контексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. № 543. С. 177–188.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Академический Проект, 2001. 990 с.
- Фещенко О.А. Концепт «Дом» в художественной картине мира М.И. Цветаевой (на материале прозаических текстов) : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 216 с.
- Шаклеин В.М., Цуй Л., Микова С.С. Лингвокультурные образы России и Китая в художественных произведениях представителей русской дальневосточной эмиграции : монография. Воронеж : ВГПУ, 2017. 170 с.
- Шкурин О.В. Языковые единицы с сакральной семантикой : лингвокультурологический и лексикографический аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 336–352. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-336-352>
- Шурупова О.С. Концепт «Дом» в смысловой организации Петербургского текста русской литературы // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 4. С. 1183–1185.
- Jackendoff R. Semantics and cognition. Cambridge : MIT Press, 1993. 283 p.
- Polechina M. Репрезентация концепта в поэтическом творчестве Марины Цветаевой // Polilog. Studia Neofilologiczne. 2012. № 2. С. 107–115.
- Schiffer S., Steel S. Cognition and representation. Boulder : Ridgeview, 1988. 257 p.

Shaklein V.M. Cultural linguistics : past, present, future. San Francisco : B&M, 2013. 200 p.
Wierzbiska A. Semantics, culture and cognition. Universal human concepts in culture – specific configuration. Oxford – New York : Oxford University Press, 1992. 496 p.

Сведения об авторах:

Шмелькова Вера Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного, Институт международного сотрудничества, Пензенский государственный университет, Российская Федерация, 440026, Пенза, ул. Красная, д. 40. *Сфера научных интересов:* лексикология, стилистика. Автор более 80 работ, из них 3 монографии и 6 учебных пособий. ORCID: 0000-0002-5248-2860. E-mail: vshmelkova@rambler.ru

Макарова Елена Витальевна, старший преподаватель, кафедра русского языка как иностранного, Институт международного сотрудничества, Пензенский государственный университет, Российская Федерация, 440026, Пенза, ул. Красная, д. 40. *Сфера научных интересов:* лексикология, лингвокультурология. Автор более 40 работ, из них 3 учебных пособия. ORCID: 0000-0002-5787-5209. E-mail: makelvita@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-467-482

Research article

Semantic changes of the word “home” in the Russian language of the first decades of the 20th century

Vera V. Shmelkova , **Yelena V. Makarova**

*Penza State University,
40 Krasnaya St, Penza, 440026, Russian Federation*
 makelvita@yandex.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the necessity to identify semantic changes of the word “home” in the social consciousness associated with historical, cultural, social, political and economic transformations. This authors describe and analyze the semantic changes of the word “home” in the social consciousness of the Soviet Russia and the Russian diaspora abroad in the first three decades of the 20th century. The purpose of the study is to reveal the semantics of the word “home” in the first three decades of the 20th century through the analysis of fiction texts of that time. For this purpose, a complex methodology for analyzing vocabulary was used, including the descriptive method based on the analysis of dictionary definitions, linguo-stylistic analysis of fiction texts. The research material includes dictionary definitions of the word “home”, represented in the basic explanatory dictionaries of the 19–20th centuries and dictionaries of modern times, fiction and memoir texts. The novelty of the presented data lies in the fact that the analysis of the semantic changes of the word “home” is for the first time carried out in order to compare individual sections of the linguistic picture of the world of Russian speakers in Russia and in emigration against the backdrop of the revolution and in the first post-revolutionary decades. The linguistic reflection of this key concept of Russian linguistic culture at the junction of the two historical eras – pre-revolutionary and post-revolutionary – is socially conditioned and presented as a turning point in fiction and memoirs of the first half of the 20th century. Further study of the semantics of the word “home” is supposed to be connected with the observation of the language of the late 20th – early 21st centuries.

Keywords: Russian language, home, house lexical units, semantic changes

Article history: received 05.03.2022; accepted 12.07.2022.

For citation: Shmelkova, V.V., & Makarova, Y.V. (2022). Semantic changes of the word “home” in the Russian language of the first decades of the 20th century. *Russian Language Studies*, 20(4), 467–482. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-467-482>

References

- Bazylova, L.A. (2009). The concept of House/Home in the individual world model of A. Ahmatova. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*, (6), 202–209. (In Russ.)
- Dmitriyeva, N.M., & Chulkina, N.L. (2022). The transformed semantics of the verbalizers of the ethical concepts “Love” – “Mercy” – “Chastity” – “Virtue”. *Russian Language Studies*, 20(1), 52–67. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-52-67>
- Feshchenko, O.A. (2005). *The concept “House” in the M.I. Tsvetaeva’s worldview* (Candidate dissertation, Novosibirsk). (In Russ.)
- Gabdullina, S.R. (2004). *The concept of HOUSE/HOMELAND and its verbal embodiment in the individual style of M. Tsvetaeva and the poetry of the Russian abroad of the first wave (comparative aspect)* (Candidate dissertation, Moscow). (In Russ.)
- Ikonnikova, Ya.V. (2012). Concept “Home” as opposition mark own-others in A.I. Kuprin’s prose of emigration period (on material of the dome of St. Isaakiy Dalmatskiy story). *Tambov University Review: Series Humanities*, (9), 257–261. (In Russ.)
- Isajeva, E.S., & Vasiljeva, E.G. (2021). Associative field of the concept “fire” in the linguistic consciousness of native Russian speakers at the background of the Latvian linguistic culture. *Russian Language Studies*, 19(3), 241–252. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-241-252>
- Jackendoff, R. (1993). *Semantics and cognition*. Cambridge: MIT Press.
- Korneichuk, S.P., & Sclar, G.D. (2018). Conceptualization of the aesthetics of everyday life in the works by Ivan Turgenev and Leo Tolstoy. *Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia*, (6), 325–330. (In Russ.)
- Kuvshinov, F.N. (2016). Flat-home in the Russian literature of the 1920–1930s. *Philology. Theory & Practice*, (1–2), 23–25. (In Russ.)
- Lanskaya, O.V. (2005). *The concept “House” in the language picture of the world (based on the material of L.N. Tolstoy’s novel “Childhood” and the story “The Morning of the Landowner”)* (Candidate dissertation, Kaliningrad). (In Russ.)
- Maslova, V.A., & Danich, O.V. (2021). Spiritual energy of the Russian word as a scientific challenge of humanitarian thought. *Russian Language Studies*, 19(2), 125–137. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-125-137>
- Morarash, M.M. (2017). Semantic-cognitive study of house concept in Vladimir Nabokov’s novel “Mashen’ka”. *Nauchnyi Dialog*, (8), 104–115. (In Russ.)
- Polechina, M. (2012). Representation of the concept in the poetic work of Marina Tsvetaeva. *Polilog. Studia Neofilologiczne*, (2), 107–115.
- Potpot, R.M. (2013). History of the concept “Home” in national philology. *Bulletin of Ugric Studies*, (2), 54–66. (In Russ.)
- Schiffer, S., & Steel, S. (1988). *Cognition and representation*. Boulder: Ridgeview.
- Shaklein, V.M. (2013). *Cultural linguistics: Past, present, future*. San Francisco: B&M.
- Shaklein, V.M., Cui, L., & Mikova, S.S. (2017). *Linguocultural images of Russia and China in the works of representatives of the Russian Far Eastern emigration*. Voronezh: VSPU Publ. (In Russ.)
- Shkuran, O.V. (2019). Language units with sacred semantics: Linguoculturological and lexicographic aspects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(2), 336–352. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-336-352>
- Shurupova, O.S. (2010). Concept “House” in the semantic organization of the St. Petersburg text of Russian literature. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 15(4), 1183–1185. (In Russ.)

- Sokolova, E.N. (2008). Concept “House” and its development in a national-cultural context. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, (543), 177–188. (In Russ.)
- Stepanov, Yu.S. (2001). *Constants: Dictionary of Russian culture*. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ. (In Russ.)
- Vorobev, V. V. (2008). *Cultural linguistics*. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.)
- Wierzbicka, A. (1992) *Semantics, culture and cognition. Universal human concepts in culture – specific configuration*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Zelenin, A.V. (2007). *Language of the Russian emigrant press (1919–1939)*. St. Petersburg: Zlatoust Publ. (In Russ.)
- Zhulkova, K.A. (2019). The image of the house in Russian literature of the first half of the 20th century. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literature Studies*, (1), 194–202. (In Russ.)

Bio notes:

Vera V. Shmelkova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian as a Foreign Language Department, International Office, Penza State University, 40 Krasnaya St, Penza, 440026, Russian Federation. *Research interests*: lexicology, stylistics. The author of over 80 scientific papers. ORCID: 0000-0002-5248-2860. E-mail: vshmelkova@rambler.ru

Yelena V. Makarova, senior lecturer, Russian as a Foreign Language Department, International Office, Penza State University, 40 Krasnaya St, Penza, 440026, Russian Federation. *Research interests*: lexicology, cultural linguistics. The author of over 40 scientific papers. ORCID: 0000-0002-5787-5209. E-mail: makelvita@yandex.ru